

Почитание сельских сурбов в Армении: трансформация традиции

Наталья Владиславовна Крюкова

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 2)

Аннотация. В сельских областях Армении повседневная религиозная жизнь протекает в сурбах — местных святилищах, домашних реликвариях, часовенках и молельнях. Сурб — в переводе с армянского «святой» — это комплексное понятие, которым верующие обозначают и святого, и пространство его почитания. Сурбами могут быть действующие или разрушенные церковные и монастырские постройки, книги, хачкары, родники, деревья, камни. Материальная форма сурба не ассоциированный со святым предмет, несущий на себе печать его святости, как принято в традиционном христианском культе святых, а сам святой. Именно это делает культ сурбов уникальным в ряду похожих культов народного христианства. Обустройство сурбов и паломничество к почитаемым локальным святыням — наиболее распространенные вернакулярные формы духовной жизни местных жителей. В статье исследуются изменения традиционных аспектов почитания сельских сурбов на основе доступных историко-этнографических источников и полевого материала, собранном автором в Армении в 2016–2021 гг.

Ключевые слова: Армения, сурб, тан сурб, «народное» христианство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20–59–05004 Арм_а. Выражаю признательность Анаит Багдасарян за помощь в переводе и ценные комментарии.

Дата поступления статьи: 8 декабря 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

Для цитирования: Крюкова Н. В. Почитание сельских сурбов в Армении: трансформация традиции // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 120–133.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.010>

Этническая идентичность армян неразрывно связана с христианством, «армянин» и «христианин» для большинства армян — синонимы. Несмотря на исторически сложившееся этноконфессиональное единство под сенью Армянской апостольской церкви, в сельских сообществах существуют особые формы проявления религиозности, которые официальной Церковью не воспринимаются как канонические. В армянской религиозной культуре в рамках апостольского христи-

анства сосуществуют две традиции: каноническая церковная и неканоническая устная — набор представлений, культовых практик и форм социального взаимодействия, которые до недавних пор в религиозной и этнографической литературе было принято относить к «народному» христианству [Крюкова 2018, 83]. В Армении «народное» христианство прочно связано с культом сурбов.

В арменоведческих исследованиях под сурбом (арм. *святой*) принято понимать

имеющий священные свойства предмет (преимущественно книгу), которому приписывают характерные для святых качества [Marutyán 2001]; святого, обитающего в материальном предмете (книге, *хачкаре*¹, камне, дереве, роднике) и являющегося местным объектом почитания [Antonyán 2011]; архитектурный элемент традиционного армянского жилища [Марутян 1988]. Данные определения не отражают всех аспектов этого уникального явления религиозной культуры, аналогов которому пока не обнаружено в «народных» христианских традициях.

КУЛЬТ СУРБОВ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Сурб — это комплексное понятие, которым обозначают и святого, и локус его пребывания, а также пространство, в котором происходит его почитание. Эти точки привязаны к географии села и могут не совпадать. Сурб-святой не «обитает» в материальном объекте, а является самим этим объектом. Родник, камень, книга, икона и т.п. — это сам святой, а не ассоциированный с определенным святым предмет, несущий на себе печать его святости, как принято в традиционном христианском культе святых.

Материальная и духовная сущности святого-сурба неразделимы. Вещная форма сурба — это и иерофания, и источник иерофании для сельских верующих. При этом при утрате/разрушении сурба, его материальной формы, пространство почитания продолжает оставаться священным — местом паломничества и поклонения. В отдельный класс сельских святынь принято выделять *тан сурбы* (*тан сурб* — арм., букв. *святой дома*) — домашние реликварии и святилища, а также хачкары. Согласно моим данным, культы всех типов сельских сурбов имеют единые идеологические основания, представления и праксис. К сурбам-святым обращаются по имени: *Сурб Саркис*, *Сурб Аветаран*, *Сурб Карапет*, *Сурб Нишан* и др. Место, где происходит почитание, носит то же имя. Наиболее часто встречающееся имя тан сурба — *Сурб Нарек*. В обиходе святых дома в Армении называют *нареками*.

Сурбы заменяют верующим церкви. Приходская жизнь в селах, где велась моя полевая работа, фактически отсутствовала [Крюкова 2019]. Сельчане не выделяют церкви из общего ряда религиозных объектов, большую часть года те функционируют подобно остальным местным святилищам и домашним молельням. Исключения составляют лишь дни больших праздников, когда в церквях проводится литургия.

Значительная часть полевого материала собрана в селах Апаранского района Арагацотнского марза², на западе Армении. В этих местах существуют разветвленные сети святынь-сурбов. Так, в с. Лусагюх в вернакулярную сеть входят две действующие церкви (небольшая однонефная церковь *Сурб Тух Манук* и базилика *Сурб Мариам Аствацацин*), руины церкви IV в. *Мхеи Ванк* на окраине села, около двадцати домашних и семейных святилищ тан сурбов, а также сурб-камень и сурб-дерево в ближайших окрестностях. Подобные сети локальных святынь встречаются повсеместно. Часть почитается лишь в конкретном селе, к другим съезжаются паломники со всей округи, из Еревана и даже других регионов.

Сурбом может быть церковь, хачкар, камень, родник, дерево, гора, пещера, богослужебные предметы, изображения и книги религиозного содержания. Сурбы-книги обычно старинные — первопечатные или рукописные. Целостность и сохранность материальной формы сурба является важным, но не определяющим фактором в модусах и динамике почитания конкретной святыни внутри сельской общины. В Армении существует особый культ, разрушенных церквей, монастырей, хачкаров — сходной природы с культом сурбов. Разрушение материальной формы церкви или монастыря не приводит к тому, что святость и благодать покидают место. Чем древнее руины, по мнению информантов, тем святее и благодатнее место. Камни и предметы из разрушенных монастырей встречаются в домашних реликварииях. Они могут становиться для верующих святыми дома. Руины продолжают быть центрами притяжения для паломников, несмотря на

¹ *Хачкар* (арм., букв. *крест-камень*) — вид армянских архитектурных святынь, каменная стела с резным изображением креста.

² *Марз* (арм. *область*) — единица административно-территориального деления Республики Армения.

Руины церкви IV в. Сурб Мхеи Ванк — сельское святилище. Село Лусагюх, Апаранский р-н, Республика Армения. Фото автора, 2018 г.

Ruins of the fourth-century church Surb Mhei Vank, a rural sanctuary. Lusagyukh Village, Aparan District, Republic of Armenia. Photo by the author, 2018

то что повсеместно восстанавливаются старые и возводятся новые храмы.

Гораздо важнее сохранности представление о «старинности» материальной формы сурба и его связи с предками, благодаря которым он был обретен и появился в сельской общине. Большинство сельских сурбов — это тан сурбы — святыни, находящиеся в частном владении какой-либо семьи. Святые дома тесно связаны с историей и повседневной жизнью конкретной семьи или рода. Нарративы об обретении тан сурбов повествуют о прадедах и прапрадедах, вывезших спасенные от уничтожения старинные книги, кресты, *шушты*-покровцы³ и другие культовые предметы из Турецкой Армении в XIX в. и в период геноцида в начале XX в. Генеалогия семейных святынь с. Лусагюх восходит к 1830-м, 1880-м гг. и к 1918 г., когда предки-переселенцы построили на месте села свои первые дома и разместили в них семейных святых.

Значительно меньшее число сурбов расположено на общинной или прилегающей к селам ничейной земле: в поле, в лесу, по берегам рек, рядом с родниками. В историях об их обретении обязательно

присутствует мотив сна или видения, в котором святой явился конкретному человеку и указал место своего пребывания, где затем местные жители обустроили место поклонения.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТА СУРБОВ

Армянская художественная и этнографическая литература второй половины XIX — начала XX в. содержит множество упоминаний о сельских и домашних святилищах. Одно из самых известных описаний тан сурба и связанных с ним практик находим в реалистическом романе Перча Прошяна «Бгде» (1860), описывающем события того времени. В нем повествуется о семьях в области Памбак⁴, владеющих унаследованными от предков реликвиями. В их числе упоминаются кресты и книги, в частности Святое Евангелие — *Сурб Аветаран*. Святыни эти были популярны среди местных жителей, поскольку исполняли желания. Устами одного из героев говорится, что отовсюду к ним идут паломники, «а владельцы живут за счет денег, которые им дают за то, чтобы приложиться к этим святыням» [Прошян 1963, 185–187].

³ *Шушпа* — крестообразный покровец, накрывающий потир во время литургии. Шушпами в селах называют любые матерчатые votivные подношения: обетные платы, покровцы, лоскуты, ленты, вышитые конверты и т. п.

⁴ Местность в бассейне р. Памбак (север Армении, южная часть Лорийской обл.).

Ашот Гхазарян показывает семейный *тан сурб* Хмайил. Село Лусагюх, Апаранский р-н, Республика Армения. Фото автора, 2018 г.

Ashot Ghazarian exhibits the Khmayil family *tan surb*. Lusagyukh Village, Aparan District, Republic of Armenia. Photo by the author, 2018

Там же рассказывается о деревенском попе и его сомнительных с точки зрения канонического христианства занятиях: он изготавливал по заказу рукописные амулеты — *тухт у гир*⁵. Священник стал настолько популярен среди паломников, что всерьез опасался лишиться сана.

Старинные рукописные амулеты, наряду с каноническими текстами и Евангелием, являются для сельчан святыми дома. Мне довелось осмотреть несколько таких тан сурбов. Часть из них имела форму свитков. Некоторые сохранились лишь в виде фрагментов, уцелевших при пожаре. Один свиток дошел до наших дней почти неповрежденным. Он был изготовлен во второй половине XIX в., что можно установить благодаря хорошо сохранившемуся штампу бумажной фабрики [МА

2016–2021]. Свитки написаны на смеси *грабара* и *аишхарабара*⁶. Владельцы амулетов не могут их прочесть, но уверены, что тексты и изображения соответствуют канонам армянского апостольского христианства.

А. Марутян в статье по истории культа тан сурбов приводит выдержки из описаний, составленных архиепископом Месропом Смбалянцем и Аршаком Атояном. Они дают представления об особом типе социальных практик, сложившихся в деревнях вокруг семейных святынь и общесельских святилищ⁷ [Marutyán 2001, 339–340]. Архиепископ описывает тан сурб в с. Норадуз в Гехаркуникском районе. Святыня принадлежит некоему Араму. Местные называют ее по имени хозяина — *Араму Сурб Нишан*. Тан сурб был привезен из Турецкой

⁵ *Тухт у гир* (арм., букв. *письмена на бумаге*) — общее название класса письменных колдовских текстов, относящихся к апотропеической магии. Их называют также *хмайил* (арм., букв. *волшебное прорицание*). Существует особый тип амулета в форме свитка, длина которого достигает до нескольких метров. Хозяин свитка обвязывал его вокруг тела и носил под одеждой постоянно или в особых случаях, например в путешествии или на заседании суда. Традиция была распространена в Западной Армении и восходит к раннему Средневековью, период наибольшего расцвета — XV–XVII вв. О датировках и содержании талисманов из собрания Матенадарана и РГБ см.: [Одабашян 1976].

⁶ *Грабар* — наиболее древняя форма армянского языка, сохранившаяся в письменных памятниках; *аишхарабар* — новоармянский язык, возник как язык устного общения в XVII в., основа армянского литературного языка.

⁷ У меня не было возможности ознакомиться с оригинальными изданиями, поэтому опираюсь на указанную статью А. Марутяна, в которой приведены прямые цитаты авторов.

Письменные амулеты на выставке средневековых рукописей. Матенадаран им. Месропа Маштоца, г. Ереван, Республика Армения. Фото автора, 2018 г.

Written amulets at an exhibition of medieval manuscripts. Mashtots Matenadaran, Yerevan, Republic of Armenia. Photo by the author, 2018

Армении, из д. Арцап⁸ в 1830 г. Согласно описанию, он состоял из серебряного креста, украшенного камнями, и маленького крестика на серебряной цепочке, прикрепленного к большому кресту. Предметы были завернуты в 40–50 шушп, которые также были частью святыни. Многочисленные набожные мужчины и женщины, в особенности переселенцы из Нор Баязета, по воскресеньям посещали тан сурб, дабы просить об исполнении желаний или исцелении от болезни. Они давали обеты, зажигали свечи, жгли ладан. За возможность приложиться к кресту паломники оставляли монеты, а некоторые женщины клали на *Сурб Нишан* налобные украшения. Приглашенный священник и старик-хозяин нараспев исполняли «Господи, помилуй!», а коленопреклоненные паломники тихо подпевали молитве. Затем каждому в рот клали, как просфору, кусочек домашнего хлеба (*тан хацци*), после чего все шли на берег реки. Мужчины и женщины садились раздельно и ели. Архиепископ упоминает и о распоряжении

Духовного управления, согласно которому *Араму Сурб Нишан* и подобные ему кресты и рукописные Евангелия должны были быть переданы в церковь и храниться там [Там же].

Этнографические источники сообщают, что, помимо votивных подношений и символических жертвоприношений в виде зажигания свечей, курения ладана, паломники совершали прямое жертвоприношение *матах*. В домовладении хозяина тан сурба или в непосредственной близости к сельской святыне, будь то церковь, руины *ванка*⁹, хачкар, святое дерево или родник, паломники резали и варили петухов и баранов, устраивали трапезу с раздачей жертвенного мяса. Есть свидетельства, что жертвенные животные благословлялись сельскими священниками. Аршак Атаян, описывая деревенский уклад жизни армян Салмаста¹⁰, рассказывает о сельских святых местах и активном паломничестве к ним. В одном из сел было три таких места, одно из них — тан сурб — посещалось теми, у кого была

⁸ *Арцап* — деревня в провинции Баязет Эрзурумского вилайета.

⁹ *Ванк* в переводе с арм. *монастырь*.

¹⁰ *Салмаст* — область Сельмас, ныне входящая в провинцию Западный Азербайджан, Иран. Сельмас входил в состав античной Армении и в историческую область Васпуракан.

лихорадка. Старику-хозяину тан сурб являлся во сне и угрожал, что убьет всех, если ему не окажут почести. Святой пригрозил хозяину, что будет бушевать, если тот не станет зажигать свечи, а также запретил держать в доме собаку. Владелец вынужден был каждую субботу по вечерам, а в воскресенье весь день жечь свечи так, чтобы они горели непрерывно. Этот же автор сообщает, что во время родов в изголовье роженицы клали нарек, шампур или кинжал, дабы злые духи не подменили новорожденного. А в Нор Баязете для облегчения родов «какой-нибудь нарек приносят, в большинстве случаев *Нарек Шахлукянов*, кладут на ларь, предварительно положив хлеб, вокруг зажигают свечи и после приглашают священника, чтобы он пришел и из этого *Нарека* прочитал несколько глав над роженицей. Приносят также амулеты (*хмайилнере*)¹¹ и повязывают на шею, чтобы злые силы не смогли к ней приблизиться» [Атаян 1906, 33] (цит. по: [Marutyán 2001, 340]).

Армянский этнограф, фольклорист и археолог Ерванд Лалаян в этнографическом описании Васпуракана приводит фольклорный нарратив об обретении особо почитаемой святыни *Сурб Кармир Аветаран*¹² в д. Шахбахи. Одна девушка увидела во сне женщину, одетую во все красное. Женщина сидела верхом на крапчатой лошади и держала в руках огненный прут, указывая на склон горы Артос. Она велела взять там Евангелие, хранить его и передавать по наследству как святыню. Брат девушки отправился в горы на поиски Евангелия. В углу разрушенного дома он увидел громко кричащего красного петуха. Расценив это как божественный знак, молодой человек начал в том месте копать и нашел в земле красный горшок, а внутри — завернутое в красные шуппы Евангелие, написанное на пергаменте. Он принес святую книгу в деревню, поместил в красный ларь и зажег перед ним лампаду. С того дня их дом стал местом паломничества к обладающему большой силой Красному Евангелию. Позднее глава Ванской епархии забрал у жителей эту и еще одну сельскую святыню — *Сурб Ншан* — и перенес их в Ванскую церковь. Жители с. Шахбахи коллективно пожаловались

и вернули Евангелие в деревню, однако с тех пор хранили святыню в сельской церкви [Лалаян 1917, 208–209] (цит. по: [Marutyán 2001, 346]).

Эти описания позволяют выделить традиционные черты культа сельских и домашних сурбов, а также типы социальных взаимодействий, связанных с ним: обретение святыни посредством указания от самого святого через вещий сон или пророчество; обустройство алтаря и особого пространства, где должно происходить почитание сурба, а в случае тан сурба — выделение такого пространства в доме владельца святыни; предоставление исцеления, защиты, помощи в исполнении желаемого в обмен на подношения, жертвоприношения — символическое и матах — обеты и другие формы почитания; эмоционально-аффективная связь святыни с конкретными людьми, в частности, с хозяином дома; коммуникация с верующими посредством снов; специализация сурбов на исцелении определенных недугов — испуг, помешательство, бесплодие, лихорадка, немота, сглаз, эпилепсия и др.; наличие ритуального специалиста, использующего силу сурба для лечения и разрешения трудных ситуаций, например, для родовспоможения, а также создания амулетов и оберегов; проведение в сурбах обрядов наподобие литургии и участие в них местных священников; харизматическая сила отдельных сурбов, привлекающая многочисленных паломников, добавляющая владельцам как выгоды, вплоть до возможности жить на подношения, так и трудности; наличие сети сельских святынь и их иерархия в зависимости от приписываемой «силы»; обыденность и распространенность подобных практик в селе и неприятие их на уровне епархий; стремление Церкви отобрать святыни, в особенности богослужебные предметы и книги, активное сопротивление сельчан церковному начальству.

Далее рассмотрим, коснулись ли изменения таких составляющих культа, как место пребывания и почитания святого, формы почитания, практики использования покровительства и «силы» сурба, способов социальных взаимодействий, складывающихся вокруг сельских святынь.

¹¹ Вероятно, амулеты-свитки.

¹² *Сурб Кармир Аветаран* в переводе с арм. *Святое Красное Евангелие*.

СУРБ И АРМЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Традиционное армянское жилище *глхатун* — каменное или земляное строение со ступенчатым пирамидально-венчосным перекрытием, в центре которого — окно-дымоход, а под ним открытый очаг. В горных селах Арагацотнского марза такой тип дома сохранялся вплоть до конца 1970-х гг. По воспоминаниям пожилых информантов, для тан сурбов в глхатуне всегда выделялось особое пространство. Свидетельства этому находим и в материалах 1980–1999 гг. [Marutyun 2001, 337–346]. В стенах глхатуна создавались специальные ниши, по форме напоминающие церковные алтарные апсиды. Помимо главного дома сурб мог располагаться и в примыкающих к нему пристройках, например в *тонратуне* (отдельное помещение для выпечки хлеба с очагом — тониром) или в *гоме* (хлев). «У нас такая ниша была в тонратуне в старом доме, там хранили эту книгу. Мать рассказывала. <Она> видела сон, что ребенок упал в тонратуне и разбил лицо. Она встала, идет туда и видит, что нарек упал на пол. Она заплакала, подняла с пола. И они закрыли эту нишу, чтобы такого не случилось больше», — вспоминает информантка А. [МА 2016–2021]. Если ниши не было, тан сурб помещали на возвышении у стены или в углу. В качестве подставок могли использовать хачкар, камни, принесенные с церковных развалин или с кладбища, служившие своеобразным алтарем. Святые хранились завернутыми в шушпы и были скрыты от глаз. Число шушп-конвертов могло доходить до нескольких десятков. От остального помещения тан сурб старались отгородить занавесями, перед ними ставили подсвечники и подносы с песком для свечей, как в церквях, развешивали расшитые крестами платы.

Некоторые семейные сурбы постепенно превратились в общедоступные молельни, куда приходили уже не только близкие родственники и соседи, но и паломники, прибывающие издалека, привлеченные молвой о чудотворной силе святыни. Поводом для паломничества к святыне мог быть и особый сон, в котором сам сурб или нечто с ним связанное являлись верующему. Свечи в помещении с таким тан сурбом горели почти

постоянно, создавая опасность пожара. Огонь мог как минимум повредить или уничтожить саму святыню, перекинувшись со свечи на шушпы, или весь дом, опирающийся на деревянные столбы и венцеобразно сложенные балки. Поэтому хозяева старались отделить тан сурб стеной или построить для святого отдельное помещение.

В с. Лусагюх, по воспоминаниям информантов, пожары в домах вспыхивали регулярно. Истории информантов полны драматичных рассказов о спасенных и погибших святынях. В начале 2010-х гг. в огне, вспыхнувшем от жертвенной свечи, пострадал *Сурб Григор Нарекаци* — иллюминированный рукописный свиток-талисман, предположительно датированный XV в. Этот сурб и до пожара, и сейчас располагается на подоконнике в жилой комнате. К сожалению, от ценного палеографического и этнографического памятника сохранились лишь обгоревшие остатки.

Многие книги и предметы, входящие в комплекс семейных сурбов, имеют антикварную и художественную ценность. Считается, что утратить, тем более продать семейную реликвию — грех, сопоставимый с предательством, и святой дома обязательно за него накажет. Тем не менее продажа периодически происходит. Хозяева святынь интересуются, какова возможная стоимость вещи, сообщая при этом, что не продадут семейную реликвию «и за миллион».

Церковь всегда стремилась ослабить культ сурбов и связанные с ним верования, по возможности отобрать святыни или побудить верующих добровольно передать их под ее покровительство. Особенно это касается рукописных книг и предметов христианского культа. Подобные попытки во все времена встречали сопротивление верующих. Хозяева сурбов, с которыми мне довелось беседовать, не собираются передавать святыни Церкви, несмотря на активное побуждение со стороны священников, поясняя свое нежелание тем, что утрата святыни может принести несчастье не только семье владельцев, но и всему кругу родственников и даже селу. Заметим, что официальная Церковь не пользуется у сельчан безусловным авторитетом и доверием, они подозревают у священников меркантильные интересы [Там же].

Отъем старинных книг успешно производился в селах в 1950–1960-х гг., в период реализации всесоюзной политики сохранения, изучения и пропаганды национального культурного наследия. По всем республикам СССР шло создание обществ охраны памятников, целью многих этнографических и палеографических экспедиций было разыскание и сбор редких книг. Хозяев святынь уговаривали передать их заботам музеев, поскольку рукописным и первопечатным книгам требовалось обеспечить сохранность и надлежащий уход. Многих удавалось убедить, и тан сурбы из категории «семейных святынь» переходили в ранг «национальных святынь». Впоследствии многие бывшие хозяева святынь рассказали. Сотрудники Матенадарана¹³ рассказывают, как бывшие владельцы и их родственники приносят цветы и свечи хранящимся в музее книгам, по-прежнему считая их святынями своих домов [Там же].

МАТЕРИАЛЬНАЯ ФОРМА СУРБА И САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛА

Утрата владельцами вещной формы сурба не означает, что святой покидает домовладение и село, а святилище угасает. И при такой утрате почитание и поддержание комплекса тан сурба может сохраняться. А. Марутян сообщает о случае, когда тан сурб был украден, причем случилось это за несколько десятилетий до его беседы с информантом. В другом случае тан сурб хранился в деревянной шкатулке и сгорел вместе с ней во время пожара, но это не помешало хозяевам и родственникам продолжать почитать святого. Они утверждали, что «сурб есть, осталась сила сурба» [Marutyun 2001, 342]. Полевые материалы, собранные мной во второй половине 2010-х гг., свидетельствуют, что практика поддержания святилища на прежнем месте после утраты предмета святого существует и сегодня.

К началу 1980-х гг. в селах были снесены последние традиционные жилища. Люди постепенно отстраивали каменные дома современной планировки. Вместе со

старыми домами разрушались и домашние святилища, тан сурбы переезжали на новое место жительства. Перенос тан сурба происходил с разрешения самого святого и после совершения матаха¹⁴ — ритуального жертвоприношения. «Когда старший дом носили, тан сурб был там. Хотели оставить, но председатель колхоза не позволил, и пришлось им (родителям информантки. — Н. К.) сурб забрать и в новый дом перенести. Дом разрушили трактором, а святое место там осталось и до сих пор есть. Когда строили новое здание, матах делали и с молитвами перенесли книгу», — вспоминает К. [МА 2016–2021]. Характерно, что место, где прежде находился тан сурб, т.е. куда прибыли предки и где был построен их первый в селе дом, по-прежнему почитается святым. Некоторые семьи стремятся не только сохранить прежнее место тан сурба в семейной памяти, но и маркировать его в пространстве села. В таких местах всегда можно увидеть оплывший воск жертвенных свечей и следы матаха.

Семейная земля в селах дробится, продается как родственникам, так и чужим людям. Новым хозяевам обязательно сообщают, в каком именно месте на их земле ранее располагался сурб. Как правило, святилище в той или иной форме восстанавливается уже новыми владельцами. Так, в с. Лусагюх в двух подобных случаях земля перешла во владение дальних родственников, в третьем — в село переехала чужая семья. В местах прежнего расположения святыни появились небольшие часовенки — *матуры*, открытые для всех желающих. Новые матуры — локусы сакрального: в них горят свечи, лежат вотивные подношения. При этом сам святой, его вещная форма, находится в другом домовладении, в другой части села. Таким образом, мы видим, что священный локус уже не ограничен и не связан только с вещной формой тан сурба, территорией домовладения или определенной семьей, благодаря чему пространство сакрального в селе расширяется, а социальные сети, с ним связанные, разветвляются, всё больше втягивая во взаимодействия не-родственников.

¹³ Матенадаран (арм. хранилище рукописей) — Институт древних рукописей им. Св. Месропа Маштоца (Ереван), крупнейшее собрание древнеармянских рукописей и первопечатных книг.

¹⁴ Матах — заклинание животного и жертвенная трапеза — интерпретируется Церковью как акт благотворительности и включен в каноническую традицию.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЧИТАНИЯ СУРБОВ

Святыни, которые я имела возможность исследовать, большей частью расположены в жилых комнатах, реже — в специальных пристройках или в гоме, еще реже для них отстроены магуры в непосредственной близости к основному дому. Мне встретился лишь один тан сурб, традиционно расположенный в стенной нише. Углубление квадратной формы было сделано при строительстве нового здания специально, наподобие того, что было у хозяев в старом глхатуне. Святых дома по-прежнему стараются помещать на возвышении: на подоконниках, каменных стенных полках, столиках, комодах. Подоконники и подставки по сути являются алтарями. Место расположения сурба-святого плотно завешено шушпами и заставлено подношениями, но уже не отгорожено от остального помещения, как прежде. Реликвии хранятся в шкатулках, коробах, чемоданчиках и не выставляются напоказ. Хозяева утверждают, что достают их лишь в особых случаях или во время уборки. Подношения хранятся десятилетиями, пока не истлеют. Вотивы, по свидетельствам информантов, являются собственностью святого, потому их нельзя выносить из сурба или выбрасывать, даже если они испортятся. Считается, что истлевшие шушпы и подношения следует сжечь в огне, зажженном от жертвенной свечи, а пепел закопать рядом с церковью. Хозяева семейной святыни, как правило, легко могут вспомнить, кем и когда сделано то или иное подношение. В случае с общественными сурбами выяснить что-либо не у кого.

Прикасаться к подношениям или самим святым дома позволено только девочкам и незамужним женщинам. Они-то и производят уборку. Для этого в доме хранится особый тазик; перед уборкой покупается новый кусок мыла. Используемую воду следует вылить возле церкви или в каком-то особом месте, например под старым деревом. Бывает, что в семье дочка уже вышла замуж, а внучки еще не подросли или их нет, тогда к святым и вотивам не прикасаются годами и даже десятилетиями.

Паломничества к сурбам совершают мужчины и женщины всех возрастов. Поводом для посещения святого помимо просьбы о помощи, исцелении, исполнении желания (*муртаз*) являются сны. «Я вижу <сон>, знаю, надо идти жечь свечу»; «Сурб сказал прийти», — говорят информанты. Образ святого в снах, как правило, отсутствует. Иногда информанты описывали его как седовласого старика в белом. На вопрос, как выглядит сурб во сне, чаще всего сообщали, что слышат «голос сурба». В нарративах чаще других звучат два сюжета: человек видит кого-то из семьи тан сурба или дом, где находится святой. В первом случае паломником, скорее всего, будет кто-то из ближайшего круга родственников, во втором — родственник, с которым семья не поддерживает постоянной связи, или даже посторонний человек. Часто можно услышать историю о том, как совершенно незнакомый человек, приехав в село по какой-то нужде, не связанной с паломничеством, проходя мимо дома с сурбом, узнал его, так как видел во сне.

Присутствие священнослужителей в сурбах¹⁵, участие их в ритуалах почитания и исцеления, равно как и благословление жертвенных животных, осталось в прошлом. В современном варианте ма-таха священники благословляют соль, которую жертвователи кладут животному на язык перед закланием, а затем используют для приготовления мяса. В каждом сельском доме есть запас освященной соли.

Оплавленные и горящие свечи, шушпы, останки животных — непременный атрибут сурба. Как и прежде, в качестве подношений несут свечи, ладан, деньги, ленты, платы, жертвенных животных — петухов и баранов. Головы и лапки кладут рядом или подвешивают на дереве неподалеку. Особенно много останков в период церковных праздников. Массовое заклание петухов и баранов можно наблюдать, к примеру, на праздновании освящения винограда *Хахохорнек* или во время ежегодного праздника в честь главной местной святыни. Перед закланием барана принято провести, а петуха обнести вокруг сурба три раза (иногда семь раз).

¹⁵ Исключение, если сурб — это церковь, освященная по канону Армянской апостольской церкви.

Во время паломничества жертвоприношение совершается во дворе дома, где находится тан сурб, или у жертвователя. В первом случае мясо может передаваться для варки хозяевам. Во втором жертвенному животному у тан сурба надрезают гребешок или ухо и кровью рисуют крест. Крест наносится на лоб жертвователя или исцеляемого, например ребенка, ради которого и происходит обращение к святому. Церковь запрещает использовать кровь жертвенных животных, однако этот запрет в сельском матахе не соблюдается. Отваренное мясо раздается в семь домов, дом жертвователя в это число входить не должен.

Повседневная жертвенная трапеза — малый матах — это акт индивидуально поклонения святыне, когда проситель приходит к сурбу и единолично приносит благодарственную или обетную жертву. Его могут при этом сопровождать близкие родственники или друзья.

Многочисленные жертвенные трапезы рядом с сурбами связаны с большими праздниками или значимыми семейными событиями. В окрестностях особо почитаемых сельских святынь, как правило, для этого всё подготовлено. Рядом расположен естественный или специально обустроен источник воды (колодец или фонтанчик) и рекреационная зона — беседка, навес, мангал. Празднества могут длиться по несколько дней и напоминают пикник: люди готовят *хоровац*¹⁶, выпивают вино, едят фрукты. По традиции мясо жертвенного животного не следует жарить или готовить на мангале, а только варить. В настоящее время этот запрет может не соблюдаться, равно как и запрет на употребление алкоголя.

Собираясь к сурбу, принято покупать новую упаковку свечей и оставлять их на алтаре. Для зажигания свечей следует использовать спички, лежащие там же. Алтарное пространство популярных сурбов плотно заставлено и завешено иконами, распятиями, скульптурными изображениями, рисунками, живописными

картинами, статуэтками, макетами, поделками, фотографиями, чачкарами, выполненными порой из самых неожиданных материалов, например воска, спичек, шоколада и др. Зачастую паломникам проблематично найти свободное место для своего подношения. В домашних сурбах хозяева часть вотивов убирают в стоящие рядом ящики или коробки, с тем чтобы легче было поддерживать чистоту и избежать возгорания.

На фотографиях святилищ 1960–1970-х гг. мы видим, что предметное наполнение алтарной части сурбов скромное — это простые расшитые крестами платки и шушпы. Встречаются немногочисленные стандартные изображения Иисуса Христа, Девы Марии и Святых сестер¹⁷. На фотографиях 1980–1990-х гг. по-прежнему основная часть подношений — это шушпы, но присутствуют скульптурные изображения и репродукции картин, чаще всего это Сикстинская Мадонна Рафаэля, Мадонна Литта и Джоконда Леонардо да Винчи¹⁸. В 2010-х гг. к ним добавляются шушпы и картины с фигурами Девы Марии, Иисуса Христа, а иногда и самого святого. Это довольно бесхитростные изображения, сделанные ручкой или карандашом. Картинки часто содержат символические изображения Сердца Христова и Непорочного Сердца Марии, что отсылает нас к соответствующим католическим культам. Трудно сказать, появились ли подобные подношения в связи с тем, что сурбы посещают местные католики, или это популярные у верующих изобразительные мотивы. Последнее более вероятно, поскольку подобные изображения появились недавно и встречаются повсеместно. Много подношений без религиозной символики, некоторые носят выраженный светский характер, например, хрустальные статуэтки коней, плюшевые и шоколадные сердца, рельефы и статуэтки античных богинь. Значительное число подношений, в их числе металлические подставки с песком, столики и подсвечники, изготовлены кустарным способом.

¹⁶ *Хоровац* — армянский шашлык.

¹⁷ Сестры-монахини св. Рипсимэ, св. Гаянэ и св. Шокагат. Мученическая смерть Святых дев — одно из ключевых событий, приведших к принятию Арменией христианства в качестве государственной религии.

¹⁸ См., например, изображения сельских сурбов в монографии А. Е. Тер-Саркисянц [Тер-Саркисянц 1989, 225–227].

Вотивное подношение из гильз Сурбу Григор Нарекаци. Село Варденис, Апаранский р-н, Республика Армения. Фото автора, 2016 г.

Votive offering to Surb Grigor Narekatsi of shell casings. Vardenis Village, Aparan District, Republic of Armenia. Photo by the author, 2016

На алтарях присутствуют несколько типов подношений, которых мы не видим на фотографиях прежних лет. Это изображения и разного рода макеты церквей и хачкаров. Такой тип вотивов изредка встречается в тан сурбах и в большом количестве присутствует в сельских сурбах. Выяснить, кто и по какой причине оставил то или иное подношение, сложно. Считается, что нельзя рассказывать о вещих снах, видениях или наставлениях сурба-святого, поэтому верующие довольно скупно и шаблонно рассказывают и о снах, и об обетах. Тем не менее можно предположить, по аналогии с подобными практиками в других регионах мира, что изображения и макеты церквей и хачкаров — это материальные воплощения обета или благодарности за ожидаемую или полученную от святого услугу (успех в делах, выздоровление, рождение ребенка и т.п.). Святые часто просят или даже приказывают верующим благоустроить или восстановить место поклонения.

Если же у верующего нет возможности вложиться в постройку или ремонт, заказать и установить хачкар, то в качестве благодарности можно сделать символический дар, который для сурба-святого равнозначен реальному. Послушание и вложение личного усилия — это непрменные атрибуты правильного почитания и истинной благодарности святому.

Второй тип массовых вотивов, не фиксированных ранее, — предметы с армейской или военной символикой. В Армении война — повседневная реальность. Не только контрактники, но и значительная часть срочников проходит службу в районах вероятных боевых действий. В сурбах можно увидеть множество свидетельств индивидуальных и коллективных обращений военнослужащих. Подношения могут быть с указанием номера воинской части, а могут быть анонимными, при этом очень красноречивыми, как, к примеру, подношение в виде сердца, сделанного из гильз автомата Калашникова. Вера в то, что сурбы защищают от ранения и смерти, широко распространена среди военнослужащих. Информанты говорят, что перед отправкой на службу необходимо обратиться к святому за защитой и совершить матах. Следует также взять с собой частичку сурба и носить на теле, не снимая, всё время службы. Это может быть кусочек шушпы или специально изготовленный амулет. Во время обострения карабахского конфликта значимость сурбов особенно возросла. За два года наблюдений (с 2016¹⁹ по 2018 г.) число вотивов с военной символикой в одном из наиболее почитаемых сельских сурбов Апаранского района — *Сурбе Тух Манук* — увеличилось в десятки раз.

К святым дома приходят в основном члены семьи, реже приезжают дальние родственники, и уж совсем редко тан сурб посещают незнакомцы. Массовые паломничества к тан сурбам в селах не наблюдаются, рассчитывать на доход от тан сурба современным хозяевам не приходится. Паломники оставляют небольшие суммы денег, которые, по словам хозяев, тратятся на покупку свечей. Материальная выгода от владения тан сурбом, описанная

¹⁹ Весной 2016 г. между вооруженными силами Армении и непризнанной НКР, с одной стороны, и Азербайджаном — с другой, произошли вооруженные столкновения с большими потерями с обеих сторон, известные как «Четырехдневная война».

в этнографических источниках, судя по всему, осталась в далеком прошлом. Информанты вспоминают, что в советское время семейные святыни если не скрывали, то по крайней мере старались не привлекать к ним излишнего внимания. Но, несмотря на сложные времена, функционирование домашних святынь как точек концентрации религиозной жизни и мест доступа к священному и в тот период не прекращалось.

Предполагаем, что определенная выгода может быть связана с деятельностью ритуального специалиста — целителя или прорицателя, который, используя силу святого и при его поддержке, оказывает односельчанам некоторые услуги: предсказания, снятие порчи, лечение испуга и различных хворей, изготовление защитных амулетов. Вплоть до недавнего времени такие специалисты были в большинстве семей — владельцы тан сурбов. Это женщины, получившие свой дар либо непосредственно от святого, либо по наследству от матери/бабушки/свекрови. Лишь в одной семье дар целителя оказался у пожилого мужчины, к которому он перешел от матери после ее смерти. Целительницы поддерживали тесную связь с тан сурбом посредством снов и видений. Назначать или брать плату за помощь считалось грехом: святой мог лишь целителя своего покровительства. Пожертвования и подношения брать не возбранялось. Какова была доля жертвований, которую следовало оставить в сурбе, а какую разрешалось взять на собственные или семейные нужды, выяснить не удалось.

Источники и материалы

Архив — Архивные материалы Армянского отряда Кавказской экспедиции Института этнологии и антропологии РАН.

МА 2016–2021 — Материалы автора, собранные в серии экспедиций и опросов в селах Арагацотнского и Гехаркуникского марзов (2016–2018).

Прошян 1963 — *Прошян П.* Бгде // *Прошян П.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. Ереван: Ереван, 1963.

Исследования

Антонян 2008 — *Антонян Ю.* Религиозно-магические и целительские практики в современной городской среде Армении // *Разгадать Южный Кавказ: общества и среда обитания* / Науч. ред. Е. Герасимова; Отв. ред. Н. Ложавя. Тбилиси: Heinrich Boell Stiftung, 2008. Вып. 3. С. 109–129.

Целители и смотрители семейных святынь, с которыми я общалась лично, — это пожилые люди, которые если в настоящее время и практикуют, то очень редко. В большинстве случаев целительская традиция оказалась прерванной после смерти последнего пожилого специалиста и дар не был вновь «обретен» или передан тан сурбом более молодому члену семьи. Тем не менее и в наши дни целительские практики широко распространены, а признаваемые местными жителями ритуальные специалисты, использующие различные магические и колдовские практики, поддерживают связь с определенным святым и могут самостоятельно обустроить святилища [Антонян 2008, 114].

Сейчас в селах активно возрождаются и создаются новые сурбы. Обветшалые постройки подновляются, разрушенные места поклонения восстанавливаются, отстраиваются новые часовни и церкви. Культовые практики почитания домашних и местных святынь переносятся на вновь открывающиеся святилища, что способствует расширению пространства сакрального в селе, создает новые центры паломничества в вернакулярной сети святынь. Несмотря на усилившееся давление со стороны официальной Церкви, традиция почитания сурбов живет и процветает. Формы культовых практик претерпевают изменения одновременно с переменами в жизни сельской общины — ее моральной экономике и сетях социальных взаимодействий, складывающихся вокруг местных святынь в разные периоды истории.

Крюкова 2018 — *Крюкова Н. В.* Народное христианство в Армении: традиции и современность // *Традиционная культура*. 2008. Т. 19. № 3. С. 80–90.

Крюкова 2019 — *Крюкова Н. В.* Религия паствы: сельские сурбы в современной Армении // *Вестник антропологии*. 2019. № 3 (47). С. 254–263.

Марутян 1989 — *Марутян А. Т.* Этнография армянского народного жилища (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Армянская этнография и фольклор*. Вып. 17. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1989. С. 65–137.

Одабашян 1976 — *Одабашян А. А.* Народные верования армян (по материалам рукописных талисманов XV–XIX вв.) // *Кавказский этнографический сборник*. Т. VI. М.: Академия наук СССР, 1976. С. 107–130.

Тер-Саркисянц 1989 — Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Наука, 1989.

Antonyan 2011 — Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. № 56 (2). P. 315–332.

Marutyan 2001 — Marutyan H. “The Saint of the Home”: The Problem of Sources and Present-Day Functioning // *Hayots srbere ev srbavayrere (Armenian’s Saints and Sacred Places)* / Ed. by S. Harutyunyan, A. Kalantaryan. Yerevan: Hayastan Press, 2001. P. 337–346.

© Н. В. Крюкова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крюкова Н. В. <https://orcid.org/0000-0001-5247-1822>

Магистр социальной антропологии, преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 2; тел.: +7 (495) 250-61-02; e-mail: nkryu@mail.ru

Veneration of Rural *Surbs* in Armenia: The Transformation of Tradition

Natalia V. Kryukova

(Russian State University for Humanities:

6, build. 2, Miuskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation)

Summary. *In rural areas of Armenia, daily religious life takes place in “surbs” — local shrines, domestic reliquaries, chapels and oratories. “Surb” means “saint” in Armenian; it is a complex concept that believers use to designate both a saint and the space of his veneration. Surbs can be an active or demolished church or monastery building, books, khachkars (carved stone stelae with the image of a cross), springs, trees, stones. The material form of the surb is not an object associated with the saint, bearing the seal of his holiness, as is customary in the traditional Christian cult of saints, but the saint himself. This is what makes the surb cult unique among similar cults. The arrangement of surbs and pilgrimage to revered local shrines are the most common popular expressions of the spiritual life of local people. The article examines changes in the traditional veneration of rural surbs on the basis of available historical and ethnographic sources as well as field material collected by the author in Armenia in 2016–2021.*

Key words: Armenia, surb, tan surb, “folk” Christianity.

Acknowledgements. *This study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research and the Committee on Science of the Republic of Armenia, within the framework of scholarly project No. 20–59–05004 Arm_a. Special thanks to Anait Bagdasaryan for her assistance in translation and for her valuable comments.*

Received: December 8, 2020.

Date of publication: March 25, 2021.

For citation: Kryukova N. V. Veneration of Rural *Surbs* in Armenia: The Transformation of Tradition. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 120–133. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.010>

References

Antonyan Yu. (2008) Religiozno-magicheskie i tselitel'skie praktiki v sovremennoi gorodskoi srede Armenii [Religious, Magical and Healing Practices in the Modern Urban Environment of Armenia]. In: *Razgadat' Yuzhnyi Kavkaz: obshchestva i sreda obitaniya* [Unravel the South Caucasus: Societies and Habitats]. Ed. by E. Gerasimova, N. Lozhava. Tbilisi: Heinrich Boell Stiftung. Iss. 3. Pp. 109–129. In Russian.

Antonyan Y. (2011) Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments. *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56 (2). Pp. 315–332. In English.

Kryukova N. V. (2018) Narodnoe khrisťianstvo v Armenii: traditsii i sovremennost' [Folk Christianity in Armenia: Traditions and Nowadays]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 80–90. In Russian.

Kryukova N. V. (2019) *Religiya pastvy: sel'skie surby v sovremennoi Armenii* [Religion of the Flock: Rural Surbs in Modern Armenia]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. 2019. No. 3 (47). Pp. 254–263. In Russian.

Marutyan A. T. (1989) *Etnografiya armyanskogo narodnogo zhilishcha (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.* [Ethnography of the Armenian National Dwelling (Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Century)]. In: *Armyanskaya etnografiya i fol'klor* [Armenian Ethnography and Folklore]. No. 17. Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoi SSR. Pp. 65–137. In Russian.

Marutyan H. (2001) "The Saint of the Home": The Problem of Sources and Present-Day Functioning. In: *Hayots srbere ev srbavayrere* (Arme-

nian's Saints and Sacred Places). Ed. by S. Harutyunyan, A. Kalantaryan. Yerevan: Hayastan Press. Pp. 337–346. In English.

Odabashyan A. A. (1976) *Narodnye verovaniya armyan (po materialam rukopisnykh talismanov XV–XIX vv.)* [Folk Beliefs of Armenians (Based on the Materials of Handwritten Talismans of the 15th — 19th Centuries)]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection]. Vol. VI. Moscow: Akademiya nauk SSSR. Pp. 107–130. In Russian.

Ter-Sarkisyants A. E. (1989) *Armyane. Istoriya i etnokul'turnye traditsii* [Armenians: History and Ethno-Cultural Traditions]. Moscow: Nauka. In Russian.

© N. V. Kryukova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Kryukova <https://orcid.org/0000-0001-5247-1822>

E-mail: nkryu@mail.ru

Tel.: +7 (495) 938-18-20

6, build. 2, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation

MA in Social Anthropology, Lecturer, Teaching Scientific Center of Social Anthropology, Russian State University for Humanities

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)